

УДК 821.112.2

**АНТИЧНЫЙ КОД В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА**

© 2012 г.

М.К. Меньщикова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

menshikova4@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Рассматривается проблема рецепции античности в творчестве Ф. Гёльдерлина. Обращается внимание на функционирование разнообразных античных компонентов на разных уровнях мифопоэтической системы Ф. Гёльдерлина.

Ключевые слова: античность, миф, синкретизм, Гёльдерлин, рецепция, элегическая метафора.

Фридрих Гёльдерлин (Friedrich Hölderlin, 1770–1843) был в истории немецкой литературы одной из тех «загадочных натур» (Problematische Naturen), по выражению И.-В. Гёте, которые не могут приспособляться к существующему положению вещей, что порождает непримиримое противоречие в их душе и «пожирает» их жизнь [1]. Однако такое трагическое противоречие оказалось отчасти и той почвой, на которой вырастет особая мифопоэтическая система Гёльдерлина.

Античность, античная культура становится для поэта тем идеалом, который не только может быть противопоставлен реальной действительности как некий метафизический объект, но и является сосредоточием знаковых элементов, способных выражать настоящее и будущее. Х.-Г. Гадамер подчёркивает, что «от классического Веймара его (Гёльдерлина – М.М.) отличает как раз то, что античный мир выступает перед ним не как культурный материал, но как властный и исключительный императив» [2, с. 208].

Так, античные образы и мотивы, образуя определенную условную систему, могут рассматриваться у Гёльдерлина как единый код, объединяющий, выражающий связь прошлого и настоящего и конструирующий будущее. Работа Гёльдерлина как переводчика «Царя Эдипа» и «Антигоны», созданные им образы Гипериона и Эмпедокла, размышления об истоках античного мировоззрения и искусства объединяют в одном семантическом поле имена Софокла, Пиндара, И.-В. Гёте [3], Ф. Шиллера, Ф. Ницше, В. Дильтея, К. Ясперса, М. Хайдеггера, С. Цвейга и др. В трагических мотивах «Смерти Эмпедокла» ряд исследователей видит сходство с «Фаустом» И.-В. Гёте: индивид погибает,

стремясь объять целое, преисполненный желания охватить существующее, прежде всего, отождествить себя с человеческой жизнью в ее целостности. С. Цвейг указывает на воплощение в драме того «демона», который одновременно мучил и был источником творчества самого Гёльдерлина [4].

Предваряя идеи Ницше, Гёльдерлин увидел за «лучезарным» обликом классической Греции реликты ттонической мифологии, Космос в сочетании с Хаосом. В свою очередь И. И. Гарин отметил, что творчество Гёльдерлина по многозначности, сложности и амбивалентности образов, обилию ассоциаций, «плюралистической темноте» предвосхищает стиль Дж. Джойса, и подчеркнул экзистенциальность образов поэта: то, что Хайдеггер [5] вместо теоретического анализа ссылается на символику Ф. Гёльдерлина, Г. Бенна, Г. Тракля – «свидетельство глубинного родства его философии и их поэзии, поворотный путь в эстетике, где она поворачивается к подлинному бытию» [6, с. 574].

Особенность взгляда Гёльдерлина на античность находит отражение и в его теоретическом фрагменте «Точка зрения, с которой нам следует рассматривать древность», где он развивает мысль о том, что современный европеец часто находится не просто под влиянием античного наследия, но ощущает себя в некоторой зависимости от него и даже в рабстве. Это возникает оттого, что аутентичная греческая культура, с одной стороны, воспринимается как недостижимый идеал, а с другой – одно лишь следование чуждому стилю ведет не к рождению гармонии, а, наоборот, к гибели. Таким образом, античность в культурном сознании должна восприниматься не состоящей из отдельных элементов (литература, философия, государствен-

ное устройство, искусство и т. д.), а как синтетическое единство, рождающее определенные кодовые знаки, с помощью которых человек, в первую очередь поэт, находит способ самовыражения и обретения гармонии.

В этом отношении, на наш взгляд, интересна мысль, высказанная Райнером Нэгеле [7] о том, что поэтическое сознание является регрессивным и в обращении к прошлому основной функцией становится сохранение воспоминанием так называемых «утопических функций». Однако в итоге регресс поэтического сознания порождает прогресс, и поэт получает из прошлого образы и символы, формирующие, например, у Гёльдерлина особую диалектику воспоминания, позволяющую существовать амбивалентной реальности. Следует отметить, что в данном случае речь идет не только об архетипическом начале искусства. Здесь обращение к прошлому одновременно шире понятия архетипа и выходит за пределы мотивов, образов и ситуаций.

Поэтическое сознание Гёльдерлина обращается в первую очередь к античности, оперируя категориями идеализированными, метафорическими, сверхчувственными, создавая новый миф, который вполне коррелирует с определением мифа античного как чувственного словообобщения чувственного восприятия жизни.

В этом отношении наиболее показательным примером можно считать роман «Гиперион» (*Hyperion, oder Der Eremit in Griechenland*), в котором, на наш взгляд, в полной мере проявляется амбивалентная реальность нового мифа Гёльдерлина. Античность как универсальная и идеальная категория теснейшим образом переплетается с современностью, причём образ Греции, борющейся за свою независимость, и образ самого Гипериона становятся медиаторами, позволяющими произойти диффузному соединению античного «утопического воспоминания» с «немецкой» реальностью Гёльдерлина.

Это в свою очередь порождает ту зыбкую поэтическую реальность, существование которой определяется «античным кодом», функционирующим на разных уровнях. Обозначим некоторые ключевые аспекты этого явления.

Во-первых, следует отметить тяготение Гёльдерлина к созданию особого рода синкретизма, акцентирующегося за счёт единства природного и человеческого начала, которое является истоком истинной свободы, порождающей гармонию. В Предисловии к предпоследней редакции «Гипериона» Гёльдерлин, по сути, сформулирует основную тенденцию своего творчества и его устремление: *Блаженное един-*

ство, бытие в единственном смысле этого слова потеряно для нас, и нам должно было его утратить, если мы хотели его достичь и добиться. Мы отделились от природы. И то, что некогда... было едино, теперь противостоит одно другому... Покончить с этим вечным противостоянием между нашим Я и миром, восстановить высший мир, соединиться с природой в одном бесконечном целом – вот цель всякого нашего стремления независимо от того, согласны мы в том или нет [8, с.37–38]. Не случайно, что обретение этого единства происходит именно посредством человеческого творящего сознания, восходящего к высшей степени красоты и гармонии: *Ведь человек есть бог, коль скоро он человек. А если он бог, то он прекрасен* [8, с.144] / *Der Mensch ist aber ein Gott, so bald er Mensch ist. Und ist er ein Gott, so ist er schön* [9]. Отражение этого синкретичного начала можно видеть и в натурфилософском осмыслении категории божественного начала и триединстве образов Геракла – Диониса – Христа [2, с. 214–220] на имплицитно-ассоциативном уровне ряда стихотворений: «Германия» / *Germanien*, «Патмос» / *Patmos*, «Единственный» / *Der Einzige*, «Хлеб и вино» / *Brot und Wein*, «К Природе» / *An die Natur* [10] и др.

Во-вторых, следствием вышеуказанной особенностью можно обозначить тяготение текстов Гёльдерлина к внутреннему единству на основе «античной» общности. Наиболее наглядным примером является взаимосвязь романа «Гиперион», стихотворения «К Природе» и трагедии «Смерть Эмпедокла». Изначально они объединены образами Эмпедокла (в стихотворении он присутствует имплицитно) и природы, причем, если в «Гиперионе» лишь намечается линия Эмпедокла, представленная в философско-элегическом ключе, то в стихотворении и трагедии даются как бы два разных стиливых решения и два возможных финала.

Стихотворение «К Природе» – внутренний монолог элегического характера, демонстрирующий переход героя от прошлого к настоящему и его «оставленность» Природой:

*Я тогда играл еще безбрежным
Покрывалом тайн твоих, как друг,
В каждом тихом звуке сердцем нежным
Твоего я сердца слышал стук.
Светлый образ твой впивая с жаждой,
В те года, как ты, богат я был,
Место для своей слезинки каждой,
Для любви весь мир я находил...
Я рвался из Времени пустыни,
Радостно везде искал пути,*

Как паломник, ищущий святыни,
 Чтобы в Бесконечность перейти...
 Все мертво, что прежде было мило,
 Умер мир моих былых чудес.
 Как жнивье, пустынна и уныла
 Грудь, вмещавшая весь круг небес...
 Дух Природы скрыт покровом тьмы.
 Где твоя отчизна, ты не знало,
 Сердце, средь веселья юных дней.
 Коль тебе о ней лишь грезить — мало,
 Лучшие не распрашивай о ней [11, с. 23–24].

*Da ich noch um deinen Schleier spielte,
 Noch an dir, wie eine Blüthe hieng,
 Noch dein Herz in jedem Laute fühlte,
 Der mein zartlichbebend Herz umfieng,
 Da ich noch mit Glauben und mit Sehnen
 Reich, wie du, vor deinem Bilde stand,
 Eine Stelle noch für meine Thronen,
 Eine Welt für meine Liebe fand...
 Ach! da stürzt' ich mit den Wesen allen
 Freudig aus der Einsamkeit der Zeit,
 Wie ein Pilger in des Vaters Hallen,
 In die Arme der Unendlichkeit...
 Todt ist nun, die mich erzog und stillte,
 Todt ist nun die jugendliche Welt,
 Diese Brust, die einst ein Himmel füllte,
 Todt und durftig, wie ein Stoppelfeld...
 Starb für mich die freundliche Natur;
 Das erfährst du nicht in frohen Tagen,
 Da so ferne dir die Heimath liegt,
 Armes Herz, du wirst sie nie erfragen,
 Wenn dir nicht ein Traum von ihr genügt.* [11, с. 23–24].

Трагедия «Смерть Эмпедокла» / Der Tod des Empedokles даёт развитие темы в философско-драматическом аспекте, где Гёльдерлин рассматривает самоубийство героя как одновременно жертву и возвращение в единое, к природе. К тому моменту, когда Эмпедокл появляется на сцене, он уже «оставлен богами», утратил свою силу. О его могуществе мы узнаем из разговоров других героев, например, Пантея, исцеленная Эмпедоклом, искренне любящая его, с восторгом и благоговением рассказывает своей подруге Рее о том, как он может повелевать природой, вызвать или усмирить грозу, преодолеть саму смерть. Архонт Критий и жрец Гермokrat раскрывают социальную сторону учения Эмпедокла, призывающего народ познавать природные истины самостоятельно, а не через посредство государства или жрецов. Философ говорит, что люди для совершенствования должны иногда идти на разрушение привычного образа жизни, на самопожертвование, впрочем, все это у Гёльдерлина является лишь

отражением взаимоотношений человека и природы.

Трагическая вина Эмпедокла в том, что он начинает считать себя выше природы и рассматривает ее лишь как предмет изучения. С одной стороны это путь разрушения, так как философ утратил своё могущество и «сидит опустошенный в темноте», однако с другой стороны именно этот опыт позволяет Эмпедоклу обрести истинное знание, постичь в природе единство жизни и смерти. Как писал С. Цвейг: «голос природы тщетно звучит для него, не пробуждая мелодичного отклика в его груди: он погрузился в земное бытие» [4, с. 136]. Эмпедокл, раскаявшись в своем поступке, получает возможность единения с природой: глоток воды из подземного источника знаменует возврат к природе, а осознание ее законов к высшей свободе духа. Философ познает внутреннюю необходимость собственной смерти как восстановление душевной чистоты и растворение во всеединстве: категории свободы и необходимости становятся неразделимы – *схожу бесстрашно собственной волей* [12, с. 257], говорит Эмпедокл.

В-третьих, необходимо отметить, что значительной частью античного кода у Гёльдерлина выступает античный миф в разных его проявлениях. Наиболее значимым является использование мифа как элегической метафоры при передаче внутренних переживаний героя. Такими метафорами буквально пронизан «Гиперион»: *Мне давно не было так хорошо, как сейчас. Я прислушиваюсь к чудесной, нескончаемой гармонии в себе, как орёл Юпитера прислушивается к пению муз. Спокойный душой и телом, сильный и радостный – полушутя, полусерьёзно, – я играю в воображении с судьбой и тремя сёстрами, священными парками. Всё моё существо, божественно юное, радуется себе и всему мирозданию. Я, как звёздное небо, недвижим и полон движения* [8, с.100] / *Mir ist lange nicht gewesen, wie jetzt. Wie Jupiters Adler dem Gesange der Musen, lausch ich dem wunderbaren unendlichen Wohllaut in mir. Unangefochten an Sinn und Seele, stark und fröhlich, mit lächelndem Ernste, spiel ich im Geiste mit dem Schicksal und den drei Schwestern, den heiligen Parzen. Voll göttlicher Jugend frohlockt mein ganzes Wesen über sich selbst, über Alles. Wie der Sternenhimmel, bin ich still und bewegt* [9].

В заключение обратим внимание ещё на одну особенность поэтики произведений Ф. Гёльдерлина, которая связана с предыдущим аспектом, обозначенным выше. Античный код, помимо всего прочего, определяет еще и общую специфику стиля, сочетающего и отражающего

внутреннюю тенденцию стремления от общего к частному, индивидуальному, от эпического героизма к элегической метафоре и получающего наивысшее воплощение в их синтезе.

Список литературы

1. Виндельбанд В. Фридрих Гёльдерлин и его судьба. Доклад, прочитанный во Фрайбургском академическом обществе 29 ноября 1878 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/o_hoelderlin_windelband.pdf (дата обращения 22.09.2011).
2. Гадамер Х.-Г. Гёльдерлин и античность // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 207–228.
3. Арне Е.В. Античность в поздней лирике И.-В. Гёте и Ф. Гёльдерлина: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003, 130 с.
4. Цвейг С. Борьба с демоном. Гёльдерлин. Клейст. Ницше. М.: Республика, 1992. 304 с.
5. Хайдеггер М. Гёльдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. Вып.1. С. 37–47.
6. Гарин И. И. Пророки и поэты. Т. 1. М.: Терра, 1992. 691 с.
7. Nägele R. Literatur und Utopie: Versuche zu Hölderlin. Lothar Stiehm Verlag. Heidelberg, 1978. 221 s.
8. Гёльдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. М.: Наука, 1988. 718 с.
9. Hölderlin F. Hyperion, oder Der Eremit in Griechenland. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/264/1> (дата обращения 22. 09. 2011).
10. Hölderlin F. Gedichte. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/autor/279> (дата обращения 22. 09. 2011).
11. Hölderlin F. Gedichte. Стихотворения. Билингва. Москва–Augsburg, 2002. 28 с.
12. Гёльдерлин Ф. Сочинения. М.: Худ. литература, 1969. 543 с.

ANTIQUÉ CODE IN THE MYTHOPOETIC SYSTEM OF FRIEDRICH HÖLDERLIN

M. K. Menshchikova

The article considers the problem of the reception of antiquity in the works of F. Hölderlin, with the focus on the functioning of various antique components at different levels of F. Hölderlin's mythopoetic system.

Keywords: antiquity, myth, syncretism, Hölderlin, reception, elegiac metaphor.